

Пришедшие походили не на скорбящих, что хлопчут о похоронах, а скорее на недобрых людей с тёмными помыслами.

Старик Нью заколебался, дрогнул. Но потом снова вспомнил сыновние слова — и показались они ему резонными.

Богатство ищут в опасности.

Деньги, что он честным трудом за всю жизнь скопил, не смогли прокормить двоих сыновей, не спасли жену, с которой рука об руку прошёл весь путь. И в подмётки не годились тем суммам, что он получал теперь, — и куда как легче.

Ему самому уже одной ногой в могиле, чего бояться-то?

Единственная забота — сын.

Раз сын рад, чего нельзя стерпеть?

...

Лицо старика Нью переменялось. Он не ответил на вопрос А Цзю, а лишь крепче вцепился одной рукой в дверной косяк, другую сжал в кулак и, делая вид, что спокоен, произнёс: «Это моё дело. Хотите что — спрашивайте меня. Надгробие заказываете, говорите? Какого вида?»

Фань Сяо, стоявший перед стариком Нью, хоть и горел желанием задать кучу вопросов, но поскольку инициативу перехватил А Цзю, пришлось ждать его реплики. Повернувшись, чтобы подтолкнуть того, он вдруг обнаружил, что Тан Шаотан, ещё мгновение назад бывший рядом, бесследно исчез. Только собрался спросить — А Цзю уже опустил руку ему на плечо.

А Цзю: «Человека ты искал. Спрашивай, как считаешь нужным.»

Фань Сяо собрался с духом и снова сосредоточился на старике. Из осторожности он решил прощупать почву окольными путями: «Дедушка, а у вас при заказе надгробий есть какие особые правила?»

Старик Нью грубо обмотал тряпицей раненую руку, добродушная улыбка с его лица исчезла, сменившись раздражением: «Какие уж особые правила? Оставьте имя покойного да восьмизнак рождения, выберете камень, внесёте задаток. Как сделаю — сообщу, приходите забирать.»

Фань Сяо переспросил, чтобы убедиться: «Имя, что оставим, — его и вырежете на плите?»

Старик Нью: «Конечно, имя усопшего. Кто ж имена живых на надгробиях пишет?»

А Цзю усмехнулся: «Разве нет?»

Старик Нью...

Фань Сяо...

А нельзя ли поскромнее вести разведку?

А Цзю: «Ты чего на меня пялишься? Не почтительно как. Я ведь твой брат.»

А Цзю без малейшего напряжения вошёл в роль так называемого «старшего брата».

Фань Сяо...

Характером ты не на брата похож, а на моего прадеда!

Фань Сяо громко кашлянул, взял себя в руки, помедлил и наконец ответил старику Ню: «Фань Сяо. Фань — с травяной чертой сверху, Сяо — от «отважный, воинственный». Это имя и будет на плите. Восьмизнак рождения...»

Услышав это, А Цзю отвернулся и многозначительно покосился на Фань Сяо.

Фань Сяо: «Чего?»

А Цзю подозвал его пальцем и оттащил в угол, вне пределов слышимости старика Ню.

А Цзю: «Зачем своё имя оставил?»

Фань Сяо: «Чтобы выманить людей из Павильона Ушоу! Если они и вправду с этим местом в сговоре, получив серебро и имя, обязательно ко мне явятся.»

А Цзю: «Если Павильон Ушоу к тебе явится — убьёт. К чему такой риск? Ты же знаешь, кто враг. Почему не написал имя врага?»

Фань Сяо...

Недавний вопрос А Цзю вновь отозвался эхом в его голове: «Ты Павильон Ушоу ищешь, чтобы спасти кого или убить?»

А Цзю, видя замешательство на лице Фань Сяо, нарочито ехидным тоном принялся подначивать: «А, понял. Ты просто не знаешь его восьмизнака рождения. Эх, дело спустя рукава, толку — чуть.»

Фань Сяо: «Знаю! Просто... просто...»

Просто он не хотел убивать невинного, не докопавшись до истины. Вдруг он ошибся? Вдруг враг — не тот, кого он считает врагом?

А Цзю всё это время наблюдал за выражением лица Фань Сяо и наконец фыркнул, похлопал его по макушке и сказал: «Ладно, я своё имя тебе одолжу. Идёт?»

Фань Сяо, озадаченный, поднял на него глаза: «А если они за тобой придут?»

А Цзю рассмеялся в голос. Мысленно отметив, что пацан, оказывается, добрый, на словах же произнёс: «А кто сказал, что настоящее дам?»

Фань Сяо...

До чего же коварный и хитрый!

Стой, но если дать вымышленное имя, на которое и проверить-то нечего, как же тогда выманивать?

Фань Сяо, сбитый А Цзю с толку, уже собрался возмутиться, но тот, достигнув желаемого,

пошёл на попятную и пояснил: «Шучу я. Давай уж своим именем. Я с тобой — не умрёшь.»

Будь там написано моё имя — вот тогда бы я боялся, что не придут.

Пока они ворковали, исчезнувший Тан Шаотан, белые одежды развеваясь, спустился с небес. Он не только вернулся во двор, но и принёс с собой человека.

Человек этот имел сходство со стариком Нью — не кто иной, как его сын, Нью Лэй.

Фань Сяо подпрыгнул на три чи, тыча пальцем в Тан Шаотана, залепетал: «Ты-ты когда ушёл? Как это бесшумно получилось?»

Явился ниоткуда, исчез в никуда — жуть как страшно!

Даже повидавший виды Фань Сяо не смог сразу к этому привыкнуть.

Семья Фань не была наследственным домом боевых искусств, на реки и озёра вышла всего лет десять назад. Из старшего поколения известность в мире цзянху снискал лишь один глава семьи, Фань Цзэчэн. Однако этот щедрый, прямой и общительный хозяин дома пользовался доброй славой, а водил знакомство либо с местными героями, либо с учёными мужами.

Старший сын, Фань Мин, любил изящную словесность, друзья его были в основном способные молодые ученики из академий. Второй же сын, Фань Сяо, был непоседой, живым характером, обожал болтать и хвастаться с мастерами из мира цзянху.

Видал он мастеров — да только те все были с именем и положением, главы школ. Появлялись обязательно с помпой, за спиной — тучи учеников. Человек ещё не дошёл, а шум уже впереди — не узнать, что идёт, было нельзя. Не видел он, как те старшие в кровавых битвах мир завоёвывали, не сталкивался с засадами призрачных мастеров. Потому, хоть и был смельчаком, а всё же здорово перепугался, устался на Тан Шаотана и принесённого им человека, будто привидение увидел.

Его беспокойные глаза метались между ними, пока наконец не остановились на Нью Лэе.

«А ты когда его сына схватил?»

Когда ушёл — неизвестно, когда пришёл — неизвестно, когда человека поймал — неизвестно.

Средь бела дня, не пугай так!

Фань Сяо шмыгнул за спину А Цзю, но тому это не понравилось.

«Мелкий, ты это как? Его боишься, а меня — нет? А? Я что, не страшный?»

Фань Сяо...

Он — Вопрошающий об именах, а ты — безымянный мелкий сошник. Как думаешь?

Хотя в душе Фань Сяо считал, что болтливый и ребячливый характер А Цзю куда милее ледяного Тан Шаотана, но, подняв голову и увидев на лице А Цзю выражение явного недовольства и обиды, вынужден был покорно помотать головой.

А Цзю лишь тогда презрительно хмыкнул: «Мелкий ты мелкий, чего распереживался. Когда я у старика спросил, где сын, он уже пошёл за ним.»

Фань Сяо подумал: «А кто знал, что вы так слаженно действуете?» — но вслух не проронил ни слова.

А Цзю повернулся к Тан Шаотану, взгляд его скользнул по раненой ноге, удостоверившись, что всё в порядке, затем приподнял бровь и нарочито протянул: «Ушёл-то давно, и вернулся дааавно.»

А Цзю ткнул подбородком, разоблачая: «Да ещё за стеной немного подслушал наш разговор, ведь так?»

Тан Шаотан...

А Цзю: «Подслушивать из-за угла, — невесть откуда у этого хитрого Главы павильона нашлась совесть судить других, — нечестно как-то.»

«Нечестный» Тан Шаотан на мгновение опустил длинные ресницы, затем честно признался: «Я живых не допрашиваю.»

А Цзю...

Время от времени допрашивающий живых Глава павильона подпер щёку рукой, подумал и сказал: «Резонно.»

Если верить словам Цюй Цзюаньцзюань, Тан Шаотан был самым удачным и послушным орудием убийства у Хозяйки Павильона Радужных Одежд, вещью неживой и для допросов живых не предназначенной.

Фань Сяо тихонько и деликатно предупредил: «...Эй, вы там, поосторожнее в выражениях.»

Го-во-ри-те по-че-ло-ве-че-ски, ла-а-дно?!

Что значит «не допрашиваю живых»? Что значит «резонно»? Кого вы тогда допрашивать собираетесь, мёртвых?

Видите, видите, старик за вами уже от страха плакать готов!

<http://bllate.org/book/16258/1462564>